ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“.

№ 18.

Сергѣй Б[illegible]рыковъ.

СЛОВА и ДѢЛА
НИКОЛАЯ II.

2-е изданіе.

Цѣна 15 коп.

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Земля и Воля“
партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ

подъ редакціей:

Е. К. Брешко-Брешковской, О. С. Минора, В. В. Руднева и С. Л. Маслова.

Москва.—1917 г.

МОСКВА.
Типо-литографія М. Н. ШАРАПОВА, аренд. Московским Издательством „ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“.
Лефортово, Боровая улица, домъ № 17.
1917 г.

СЛОВА и ДѢЛА НИКОЛАЯ II.

По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ

Николай II вступилъ на престолъ молодымъ человѣкомъ. Ему было 27 лѣтъ, когда «незабвенный» родитель его, чрезмѣрно злотпотреблявшій спиртными напитками, преждевременно скончался. Извѣстно, что отъ каждаго новаго монарха ждутъ всегда хорошаго. Такія же надежды возлагались въ русскомъ обществѣ на вступившаго на тронъ молодого царя. И трудно было не надѣяться на лучшее. Минувшее царствованіе задавило окончательно всякую живую дѣятельность, задушило всякую свободу. Печать молчала или говорила полурабскимъ языкомъ. Въ школахъ и гимназіяхъ шло воспитаніе въ духѣ «самодержавія, православія и народности«, при чемъ доступъ въ среднія учебныя заведенія былъ сильно стѣсненъ для лицъ низшихъ сословій. Студентовъ отдавали въ солдаты за неповиновеніе начальству. Иновѣрцевъ, инородцевъ и сектантовъ жестоко преслѣдовали. Права земствъ урѣзаны до послѣдней крайности, а самыя земства подчинены губернаторамъ еще болѣе, чѣмъ прежде. Крестьяне были отданы подъ опеку земскимъ и крестьянскимъ начальникамъ, чтобы этимъ самымъ приблизить къ народу «твердую правительственную власть». Революціонныя партіи были разгромлены. Россія ежегодно объявлялась неблагонадежной и на нее распространялись правила объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Одно лишь дворянство было попрежнему въ почетѣ, и правительство всячески старалось поднять его благосостояніе: давало ссуды на льготныхъ условіяхъ, устроило Дворянскій банкъ, создавало для дворянъ новыя должности (земскіе начальники). Попрежнему дворянство въ глазахъ царя продолжало оставаться первенствующимъ сословіемъ, и крестьянъ Александръ III открыто призывалъ «слѣдовать совѣтамъ и руководству своихъ предводителей дворянства и не вѣрить вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному». Это не было обмолвкой со стороны дворянскаго царя—совѣтовать крестьянамъ слушать *своихъ предводителей дворянства*. Нѣтъ—вѣдь въ очень скоромъ времени послѣ этого Александръ III отдалъ крестьянъ подъ начало земскихъ начальниковъ, назначавшихся почти исключительно изъ дворянъ. Дворяне служили главнымъ оплотомъ самодержавной власти, которую Александръ III считалъ себя призваннымъ утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній, какъ онъ заявилъ объ этомъ въ своемъ манифестѣ 29 апрѣля 1881 г. Этотъ манифестъ не былъ просто показными словами, какъ нерѣдко пишутся манифесты. Александръ III много думалъ объ

этомъ «манифестѣ», о чемъ онъ самъ писалъ великому князю Владимиру Александровичу. «Министры все обѣщаютъ мнѣ своими мѣрами замѣнить манифестъ, но такъ какъ я не могу добиться никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій отъ нихъ, а между тѣмъ шатаніе умовъ продолжается, и многіе ждутъ чего-то необыкновеннаго, то я рѣшился обратиться къ Константину Петровичу Побѣдоносцеву и поручить ему составить лишь проектъ манифеста, въ которомъ бы выяснено было ясно, какое направленіе желаю я дать дѣламъ, и что *никогда не допущу ограниченія самодержавной власти,* которую нахожу нужной и полезной Россіи; *кажется манифестъ составлен очень хорошо*». Александръ III всю жизнь остался вѣренъ истинно одобренному имъ манифесту, и все его царствованіе протекло въ охраненіи и укрѣпленіи самодержавія.

Я остановился такъ подробно на взглядахъ и царствованіи Александра III потому, что сыномъ его они цѣликомъ были восприняты, какъ можно то видѣть изъ многочисленныхъ его рѣчей обращеній и манифестовъ. Для Николая II завѣты «незабвеннаго родителя» были основной заповѣдью, отъ которой онъ добровольно не хотѣлъ отступить ни въ малѣйшей степени. Царствовать по родительскому примѣру это онъ считалъ своей важнѣйшей обязанностью. Въ первой же своей рѣчи московскому дворянству, купечеству и представителямъ московскихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій Николай прои носитъ такія слова: «Да поможетъ мнѣ Господь служить нашей горячо любимой родинѣ *такъ же, какъ служилъ ей мой покойный отецъ,* и вести ее по указанному имъ свѣтлому и лучезарному пути (рѣчь 31 октября 1894 г.). Итакъ, путь, которымъ велъ Россію Александръ III, для сына представлялся «свѣтлымъ и лучезарнымъ», и онъ именно по нему молитъ Бога помочь вести русскій народъ. Да и могъ ли думать иначе этотъ мало самостоятельный, ничѣмъ не выдающійся молодой человѣкъ, воспитанный при такихъ взглядахъ всей обстановкой окружающей его придворной жизни? Откуда было ему взять иные взгляды на ту огромную отвѣтственную работу которая ему предстояла при управленіи полуторастамилліоннымъ великимъ русскимъ народомъ? Родитель его былъ человѣкъ настойчивый, требовательный и воспитаніе Николая отличалось суровостью. Генералъ Даниловичъ, который былъ приставленъ воспитателемъ къ наслѣднику, зорко опекалъ своего питомца отъ всякихъ вліяній, неугодныхъ Александру III. Онъ не давалъ ему поблажки даже и въ мелочахъ. Однажды Даниловичъ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ зашелъ въ книжный магазинъ Вольфа. Маленькій Николай, увидѣвъ книжки съ картинками, потянулся было къ нимъ, но Даниловичъ грозно крикнулъ: «Сказано—не трогать!». И наслѣдникъ быстро покорно опустилъ руки по швамъ. А родитель до 20 лѣтъ вовсе не разрѣшалъ ему чтенія газетъ и лишь съ этого возраста позволилъ читать черносотенныя газеты: «Новое время» и «Гражданинъ». По способностямъ своимъ Николай былъ довольно

ограниченнымъ человѣкомъ, хотя и не столь тупымъ, какъ его родитель. Самостоятельно думать надъ чѣмъ-нибудь, находить рѣшеніе трудныхъ вопросовъ, испытывать наслажденіе отъ умственныхъ работъ—онъ былъ вовсе не способенъ. Природа надѣлила его недурной памятью и средней сообразительностью—и только. А съ такими небольшими способностями нечего было и думать выйти изъ-подъ вліянія отца и приставленныхъ имъ воспитателей. Александръ III до 20 лѣтъ не призывалъ его и къ участію въ дѣлахъ правленія, и лишь въ этомъ возрастѣ наслѣдникъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Этимъ назначеніемъ онъ гордился, но участіе въ дѣлахъ принималъ очень незначительное и больше все отмалчивался въ засѣданіяхъ Совѣта. Въ памятные всей Россіи голодные годы 1891—93 гг. Николай былъ предсѣдателемъ комитета помощи голодающимъ. Однако, и здѣсь онъ мало чему могъ научиться, такъ какъ въ этомъ комитетѣ положеніе страны выставлялось чуть не въ сто разъ лучше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Онъ учился здѣсь узнавать Россію не такой, какой она была на самомъ дѣлѣ, а видѣлъ ее прикрашенной, поскольку то можно было сдѣлать. Допытывается же до правды и сути самому у него не было ни желанія, ни способностей, ни умѣнья. Врядъ ли у него было и много честолюбія и вѣры въ свои силы, какъ у его сверстника Вильгельма II, императора германскаго. Иначе не ходилъ бы Николай все время въ скромномъ чинѣ «полковника», который ему былъ по плечу куда болѣе, чѣмъ титулъ самодержца всероссійскаго.

Какимъ же образомъ этотъ незначительный молодой человѣкъ могъ возбудить какія-то надежды въ русскомъ обществѣ, считаться способнымъ повести Россію новымъ путемъ? Очевидно, эти ожиданія возникли только потому, что слишкомъ тяжело и душно жилось подъ самодержавнымъ игомъ его «незабвеннаго родителя». И когда ушелъ въ землю этотъ тяжелый человѣкъ, давившій своей пятой всю страну, люди не могли не вздохнуть легче, не могли не заговорить смѣлѣе, не надѣяться на лучшее. Это было какъ бы пробужденіе отъ ужаснаго кошмара, давившаго грудь и не позволявшаго крикнуть. Но вотъ кошмаръ разсѣялся, грудь вздохнула глубоко и изъ нея невольно раздался радостный, облегченный вздохъ и вернулась къ человѣку утраченная имъ на время способность рѣчи. Скорѣй прогнать отъ себя этотъ мрачный кошмаръ, скорѣй увѣриться, что наступило пробужденіе, и ужасная тѣнь не вернется вновь! Такое чувство должно было испытать и дѣйствительно испытывало русское общество послѣ того, какъ смертъ унесла самодержца. Земства обратились къ молодому царю съ адресами, составленными весьма умѣренно. Въ нихъ высказывалось лишь пожеланіе, чтобы голосъ народа доходилъ до царя. Представители дворянства, земствъ и городовъ 17 января 1895 г. собрались въ Николаевскомъ залѣ, чтобы представиться новому повелителю. И вотъ тутъ-то, при этомъ пріемѣ, произошло нѣчто неожиданное для всѣхъ собравшихся. Незна-

чительный молодой человѣкъ, только что сѣвшій на прароди тельскій престолъ, почувствовалъ себя самодержцемъ, оскорбленнымъ въ своихъ самодержавныхъ взглядахъ. «Мнѣ извѣстно,—истерически выкрикивалъ онъ почтительно стоявшимъ предъ нимъ представителямъ русскаго общества,—что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся *безсмысленными мечтаніями*, объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный, покойный родитель». Родительскія дрожжи забродили въ только что оперившемся царскомъ птенцѣ, и самъ «незабвенный» могъ бы порадоваться, слыша этотъ самодержавно-безсмысленный окрикъ. Послѣ этого царскаго привѣтствія Николай сразу упалъ въ глазахъ всей серьезной части русскаго общества, которое никогда ему не могло забыть знаменитыхъ «безсмысленныхъ мечтаній».

Конечно, нельзя сомнѣваться, что не самъ Николай выдумалъ свою рѣчь. Въ то время онъ былъ лишь игрушкой въ рукахъ совѣтниковъ, руководившихъ имъ. Въ числѣ этихъ совѣтниковъ, оказывавшихъ огромное вліяніе на царя, встрѣчаемъ все того же Побѣдоносцева, которымъ такъ дорожилъ и «родитель». Рѣдкій изъ людей принесъ Россіи столько зла, сколько этотъ проницательный, умный сердцевѣдъ человѣческихъ пороковъ и низкихъ душевныхъ качествъ. Его слово было закономъ для отца и сына, и послѣдняго онъ обработалъ даже лучше, чѣмъ перваго. Именно Побѣдоносцевъ всего сильне укрѣплялъ въ Николаѣ вѣру въ святость самодержавія; Побѣдоносцевъ внушалъ, что царь является избранникомъ Божіимъ, и что черезъ государей Богъ благодѣтельствуетъ народамъ. Побѣдоносцевъ развивалъ въ немъ потребность вѣрить въ чудо, въ то, что Богъ укажетъ разными путями, какъ нужно поступать въ трудныхъ жизненныхъ случаяхъ. Слабая голова Николая не только не противилась этимъ внушеніямъ, но, напротивъ того, онъ находилъ въ нихъ душевное удовлетвореніе, Вѣдь это было такъ близко тому, что говорилъ и проводилъ въ своей жизни «незабвенный родитель», выставлявшій своей программой «самодержавіе, православіе и народность». Съ этимъ не надо было спорить, а напротивъ, пріятно было подчиниться и увѣровать. И Николай увѣровалъ крѣпко. А между тѣмъ Россіи, надъ которой ему пришлось царствовать, была уже далеко не той, что при отцѣ его. Александру III удалось на время задушить народную самодѣятельность, остановить ростъ народнаго самосознанія. Но это была лишь временная задержка, и полуторастамилліонный народъ не могъ надолго подчиниться самовластной волѣ человѣка, опиравшагося въ своей дѣятельности лишь на ничтожное численно дворянское сословіе. Подъ омертвѣвшимъ снаружи слоемъ пробуждалась настоящая жизнь, роились мысли и закипали страсти,

которыя должны были рано или поздно зажечь всенародный пожаръ. Прежнія революціонныя силы были разбиты, но въ народныхъ массахъ наростали новыя, болѣе могучія, потому что онѣ были плоть отъ плоти именно народныхъ массъ.

Пробуждался рабочій классъ, черезъ 2 года громко на всю Россію заявившій о себѣ стачками. Назрѣвало недовольство въ крестьянской массѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ вылившееся въ аграгныхъ безпорядкахъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Волновалось всегда чутко отзывавшееся студенчество. Поднимали, наконецъ, голосъ представители общественной земской, городской и даже промышленной Россіи, требуя ослабленія давившаго всю страну гнета.

Власть еще не сознавала приближенія надвигавшейся народной бури. Даже кровавый урокъ Ходынки, гдѣ погибло болѣе 10 тысячъ человѣкъ, не послужилъ ей въ пользу.

Царскій дядя, Сергѣй Александровичъ, бывшій тогда московскимъ ген.-губернаторомъ, въ благодарность за коранаціонныя торжества получаетъ еще званіе командующаго войсками московскаго военнаго округа. Самъ Николай выступаетъ съ рѣчами къ волостнымъ старшинамъ, напоминаетъ имъ слова «дорогого родителя» и подтверждаетъ ихъ: «Я хочу, чтобы эти слова служили вамъ твердымъ руководствомъ».

Черезъ 6 лѣтъ полтавскіе крестьяне отвѣтили на этотъ призывъ аграрными безпорядками.

Напоминая крестьянству объ его обязанностяхъ, Николай въ тотъ же самый день обращается съ привѣтомъ къ своему любезному сословію.

«Не сомнѣваюсь въ томъ, что дворянство всегда будетъ, какъ оно и было, опорою престола, и искренне цѣню полезное и безкорыстное участіе дворянства въ мѣстныхъ дѣлахъ. Мнѣ извѣстно трудное время, переживаемое дворянствомъ. *Будьте спокойны, я не забуду его нужду* въ моихъ заботахъ о преуспѣяніи нашего дорогого отечества».

Дворянство не осталось безчувственнымъ къ этимъ обѣщаніямъ позаботиться о немъ, и въ послѣдующіе годы борьбы правительства съ народомъ встало на сторону власти противъ народа. Объединенное дворянство увидѣло, что оно не можетъ отдѣлитя своей судьбы отъ самодержавія, и за то само оно получило огромное вліяніе на всю правительственную политику послѣ октябрьскихъ дней. На сторону власти встали и всѣ тѣ монархическія партіи, которыя появились ко времени всеобщей забастовки и непосредственно послѣ нея. Впрочемъ. въ то время, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь—начало девятисотыхъ годовъ — черносотенцы и разные «союзники» еще не успѣли объединится въ партіи.

Между тѣмъ, въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія появились новыя силы, сыгравшія большую роль въ послѣдующемъ движеніи. Я говорю о возникновеніи соціалистическихъ партій—соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Если первые развили свою дѣятельность главнымъ образомъ

среди рабочихъ, то вторые, кромѣ рабочихъ, охватили своей пропагандой и широкія крестьянскія массы. Кромѣ того, съ 1900 года партія соціалистовъ-революціонеровъ вступила на путь террористической борьбы съ правительствомъ; уже весной этого года палъ одинъ изъ столповъ самодержавія министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ, убитый С. В. Балмашевымъ въ засѣданіи Гос. Совѣта. Около этого же времени прокатывается волна аграрныхъ безпорядковъ въ Полтавской, Харьковской и другихъ губерніяхъ, и разрастается студенческое и рабочее движеніе. Во многихъ городахъ происходятъ громадныя демонстраціи, нерѣдко вооруженныя, и все чаще и чаще кончаются столкновеніями съ полиціей и войсками.

Правительство Николая все туже натягиваетъ вожжи и расправляется съ «бунтовщиками» безпощадно. Оболенскій поретъ крестьянъ сотнями, издѣваясь надъ стариками и даже женщинами. Тюрьмы переполнены до послѣдней крайности, Сибирь и сѣверныя губерніи населяются ссыльными. Николай со своей стороны считаетъ нужнымъ обратиться къ крестьянамъ со словами «увѣщанія». Перваго сентября 1902 г. онъ произноситъ рѣчь собравшимся старшинамъ и сельскимъ старостамъ въ Курскѣ, указываетъ, что «виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе», и снова напоминаетъ слова «покойнаго батюшки» о предводителяхъ дворянства. «Помните,—прибавляетъ онъ въ назиданіе,—что богатѣютъ не захватомъ чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божіимъ». Царь сдержалъ слово о наказаніи—крестьяне были не только выпороты и разсажены по тюрьмамъ, но съ нихъ были взысканы и убытки, насчитанные помѣщиками отъ погрома.

Такъ наступилъ 1904 годъ, въ которомъ правительство затѣяло преступную войну съ Японіей. Извѣстно, что вызвана она была захватами земли въ Кореѣ со стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ богатыхъ сановниковъ и членовъ царской фамиліи; но народу объявили всюду, что на насъ вѣроломно напали японцы.

Извѣстно также, что правительство, начиная эту войну, разсчитывало подавить революціонное движеніе въ странѣ. Главный заправила правительственной политики, любимецъ царя Плеве откровенно высказалъ это министру Куропаткину, когда тотъ упрекалъ его въ поддержкѣ войны. «Повѣрьте мнѣ, Алексѣй Николаевичъ, намъ необходима маленькая побѣдоносная война — иначе революціи удержать невозможно». Самъ Плеве не дождался окончанія войны, которая вышла, вопреки его разсчетамъ, совсѣмъ не побѣдоносной. Въ іюлѣ того же 1904 г. бомба соціалиста-революціонера Сазонова разорвала его въ каретѣ.

Патріотическія манифестаціи, подстроенныя царскимъ правительствомъ въ пользу войны, мало кого обманули. Скоро онѣ смѣнились совсѣмъ иными, враждебными власти демон-

страціями и уже ясно слышался приближающійся гулъ грознаго 1905 года.

Но еще въ концѣ 1904 г. громко заговорили представители земской Россіи. На ноябрьскомъ съѣздѣ, самовольно собравшемся, земцы приняли резолюцію о созывѣ народныхъ представителей. Возникли явочнымъ порядкомъ союзы, которые объединились затѣмъ въ «Союзъ союзовъ». Правительство увидѣло, что надо нѣсколько спустить вожжи, и 12 декабря изданъ былъ указъ объ «устроеніи крестьянской жизни», причемъ были обѣщаны «крупныя внутреннія преобразованія». Впрочемъ, въ то же самое время Николай не переставалъ и грозить земствамъ и называлъ ихъ ходатайства «дерзкими и безтактными». Онъ еще, видимо, не понималъ и не предчувствовалъ неизбѣжности грядущихъ событій. А они надвигались все ближе и ближе, и скоро кровавое воскресенье 9 января бросило свой страшный отблескъ на всю Россію. Улицы и площади Петрограда вновь были залиты народной кровью, кровью рабочихъ, довѣрчиво шедшихъ къ царю разсказать ему о своихъ нуждахъ и тягостяхъ. Но къ этимъ нуждамъ былъ глухъ Николай, онѣ ему не были близки, какъ нужды любезнаго его дворянства.

Уложивъ на мѣстѣ нѣсколько сотъ рабочихъ, царь имѣлъ наглость обратиться къ вызванной депутаціи отъ рабочихъ съ поученіемъ, выговоромъ и совѣтомъ «имѣть терпѣніе». Онъ объявилъ, что рабочіе, подавая прошеніе о своихъ нуждахъ, совершили бунтъ противъ него, Николая, и его правительства. «Стачки и мятежныя сборища только возбуждаютъ безработную толпу къ такимъ безпорядкамъ, которые *всегда заст вляли и будутъ заставлять власти прибѣгать къ военной силѣ*... Знаю, что не легка жизнь рабочаго. Многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. *мятежною толпою заявлять мнѣ о своихъ нуждахъ преступно*».

Въ безумномъ ослѣпленіи своего самовластья онъ договорился до словъ, которыя ясно показали все убожество его мысли и всю косность его души. «Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ мнѣ, *а потому прощаю имъ вину ихъ*». Только человѣкъ потерявшій совѣсть и всякое чувство отвѣтственности, могъ сказать это въ то время, какъ еще не остыла только что пролитая имъ кровь народа

Но скоро Николаю пришлось заговорить по-другому. Девятое января всколыхнуло всю Россію, объединило всѣхъ въ одномъ чувствѣ негодованія и ненависти, которыя бурно вылились во многихъ мѣстахъ стачками, демонстраціями, столкновеніями съ полиціей. Не прошло и мѣсяца послѣ 9 января, какъ погибъ «лютой смертью» любимый дядя царскій, великій князь Сергѣй Александровичъ. Бомба соціалиста-революціонера Каляева избавила Москву отъ развратника-сатрапа и всю Россію отъ одного изъ самыхъ злыхъ враговъ русскаго народа; пораженный этой неожиданной смертью, быть может, впервые почув-

ствовалъ Николай, что тронъ его начинаетъ колебаться. Вокругъ двора боролись представители различныхъ партій. Одни требовали дать уступки общественному мнѣнію, выбросить какое-нибудь обѣщаніе, которое утишило бы народныя страсти; другіе, напротивъ того, настаивали на проявленіи твердой власти. Не зная, за что надежнѣе ухватиться, Николай соглашается и съ тѣми, и съ другими Онъ обращается съ рескриптомп на имя министра внутр. дѣлъ Булыгина и обѣщаетъ въ немъ привлечь «достойнѣйшихъ» избранниковъ народа къ законосовѣщательной работѣ, и въ то же время грозится на «злоумышленныхъ вождей движенія», призывая всѣхъ «благомыслящихъ» къ искорененію крамолы и борьбѣ со «смутой внутренней».

Прошло еще три мѣсяца, которые принесли съ собой крупное пораженіе при Цусимѣ и цѣлый рядъ волненій внутри Россіи. Общество было встревожено неудачами на фронтѣ и разрастающимся движеніемъ внутри и рѣшило, наконецъ, выступить открыто. Майскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ адресѣ царю заговорилъ о немедленномъ созывѣ народныхъ представителей.

Едва миновало десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Николай разразился окрикомъ о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», и вотъ теперь снова депутація земскихъ и городскихъ дѣятелей предстала передъ нимъ, но заговорила уже другимъ языкомъ. Пришлось и царю, скрѣпя сердце, забыть былыя свои рѣчи и пѣть въ одинъ тонъ съ депутаціей. Лживо заявляетъ онъ, что радъ былъ выслушать все сказанное ему и что онъ «вмѣстѣ со всѣмъ народомъ своимъ скорбѣлъ и скорбитъ» о бѣдствіяхъ, принесенныхъ войной, и о «внутреннихъ нашихъ неурядицахъ». «Отбросьте ваши сомнѣнія Моя воля, воля царская — созывать выборныхъ отъ народа — *непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполненно правильно.* Я каждый день стою и слѣжу за этимъ дѣломъ». Итакъ, царь какъ будто уже обѣщаетъ конституцію, согласенъ на *правильное* привлеченіе народныхъ избранниковъ къ работѣ государственной. Но хитрый самовластникъ, дѣйствуя по указкѣ своихъ искусившихся въ обманѣ совѣтниковъ, тутъ же поясняетъ, чего можно ждать отъ обѣщаннаго привлеченія. «Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между царемъ и всею Русью, общеніе между мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго *самобытнымъ русскимъ началамъ*».

Подъ натискомъ новаго царь спѣшитъ укрыться подъ сѣнь прошлаго, призываетъ не отрываться отъ исконныхъ русскихъ началъ, которыя всегда понимались имъ какъ «православіе, самодержавіе, народность». Въ его пониманіи «православіе» должно было состоять на службѣ у самодержавія, оправдывать и благословлять всѣ его злодѣйства и подвергать проклятію людей, ищущихъ правды въ духѣ ученія Христа. Такъ отлученъ былъ «Святѣйшимъ» Синодомъ великій писатель земли русской Л. Н. Толстой. А «народностью» прикрывались всѣ тѣ жестокія гоненія, которыя обрушились въ царствованіе Николая на фин-

ляндцевъ, евреевъ, армянъ, поляковъ и всѣхъ другихъ инородцевъ».

Черезъ двѣ недѣли послѣ рѣчи земскимъ и городскимъ дѣятелямъ Николай при пріемѣ представителей отъ разныхъ сословій и общественныхъ учрежденій, безъ стѣсненія высказываетъ свой взглядъ. «Только то государство и сильно и крѣпко, которое свято хранитъ *завѣты прошлаго*. Мы сами противъ этого погрѣшили и *Богъ за это*, можетъ-быть, насъ и караетъ»».

Итакъ, вотъ въ чемъ, по мнѣнію царя, причина всѣхъ страшныхъ потрясеній, переживаемыхъ въ то время Россіей — «нарушеніе законовъ прошлаго», т.-е. уклоненіе отъ начала самодержавія и православія.

За это Богъ и разгнѣвался на русскій народъ, и стоитъ лишь вернуться къ этимъ началамъ — Господь проститъ грѣшниковъ и все пойдетъ по-старому, а въ землѣ русской воцарится тишь да гладь, да Божья благодать. Царь и призываетъ всѣхъ помочь ему «водворить миръ и тишину въ землѣ нашей и тѣмъ самымъ сослужить ему ту службу, которую онъ отъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ ожидаетъ». Извѣстно, какъ черная сотня откликнулась на этотъ осторожно выраженный, но ясный призывъ самодержца и какъ съ этого именно года она несла ревностную службу своему державному союзнику. Передъ Рождествомъ Дубровинымъ отъ имени союза русскаго народа были поднесены два значка союза—для него и наслѣдника, которые Николай съ благодарностью и принялъ. Этими значками царь навѣки соединилъ себя съ погромщиками, по призыву и при поддержкѣ полиціи устроившими кровавую баню евреямъ въ Одессѣ, Кіевѣ и рядѣ другихъ городовъ.

Но пока что на помощь черной сотни разсчитывать было еще нельзя, а между тѣмъ революціонное движеніе все разрасталось. Не только среди рабочихъ и крестьянъ шли безпрерывныя волненія, но и въ самой крѣпкой опорѣ царской власти — войскѣ — вспыхнуло возстаніе. Прогремѣли выстрѣлы съ «Потемкина Таврическаго», пока не нашедшіе еще дружескаго отклика. Это и пугало и ободряло въ то же время царя и его пособниковъ и совѣтниковъ. Но вскорѣ наступило событіе, которое заставило власть пойти на полную сдачу — всеобщая октябрьская забастовка, закончившаяся обнародованіемъ знаменитаго манифеста 17 октября. Обѣщано было народу много — и гражданскія свободы, и народное представительство въ лицѣ Государственной Думы, и признаніе этой Думы единственнымъ законодательнымъ учрежденіемъ, которое слѣдитъ за закономѣрностью дѣйствій администраціи.

Обманутый этими торжественными обѣщаніями, искренне принявшій эту фальшивую бумажку шулера за чистую, звонкую монету, народъ ослабилъ свою борьбу. Утомленный событіями двухъ послѣднихъ лѣтъ, онъ жаждалъ покоя и возлагалъ надежды на обѣщанную ему Думу. Правительство хорошо учло этотъ моментъ и сдѣлало рѣшительный, быстрый натискъ на революцію. Погромы черной сотни, безчисленные аресты рабочихъ и интеллигенціи, разгромъ совѣта рабочихъ депутатовъ,

наконецъ безпощадное подавленіе московскаго возстанія и карательная экспедиція по Московско-Казанской желѣзной дорогѣ — вотъ чѣмъ закончился бурный 1905 годъ и начался 1906.

Правительство всюду одержало побѣду и спѣшило воспользоваться ея плодами. Первымъ дѣломъ надо было, по возможности, свести на-нѣтъ обѣщанія манифеста 17 октября, вырванныя у царя въ трудную для престола минуту. Отъ гражданскихъ свободъ не осталось и слѣда; ихъ мѣсто заняло давно испытанное средство успокоенія — усиленныя и чрезвычайныя охраны и военныя положенія, сопровождавшіяся разстрѣлами и казнями. Уже весною 1906 г. былъ казненъ знаменитый лейтенантъ Шмидтъ за участіе въ севастопольскомъ возстаніи. И казнь эта была совершена по личному приказу Николая, желавшаго угодить Трепову и старой царицѣ. Манифестъ обѣщалъ, что никакой законъ не можетъ воспріять силы безъ воспріятія Государственной Думы. А за три дня до созыва первыхъ народныхъ избранниковъ царскіе министры спѣшно издаютъ новые основные законы, чтобы нельзя было подкопаться подъ самодержавную власть царя. Еще раньше измѣнено было и положеніе о Государственной Думѣ которую сосватали за полувыборный, получиновничій Государственный Совѣтъ, во всемъ уравненный въ своихъ политическихъ правахъ съ нею. Крѣпость самодержавія получила надежную поддержку и могла теперь вынести продолжительную осаду. Одинадцать лѣтъ почти пришлось ждать русскому народу, пока, наконецъ, взрывъ народнаго гнѣва разметалъ вдребезги эту твердыню, оказавшуюся на дѣлѣ прогнившей съ верху до низу.

Событія послѣдняго десятилѣтія у всѣхъ на памяти, и надо ли о нихъ разсказывать? Надо ли напоминать, за что была разогнана первая Дума, осмѣлившаяся потребовать отставки царскихъ министровъ и заявившая, что русскому народу нужна земля и воля? Нужно ли говорить про мрачные годы военно-полевыхъ и военныхъ судовъ съ ихъ безчисленными смертными казнями, когда вѣшали по произволу генералъ-губернаторовъ и командующихъ войсками за любыя преступленія? Когда тюремное населеніе доходило до ста тысячъ, а въ Сибири и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ не было ни одного гиблаго мѣстечка, свободнаго отъ ссылаемыхъ безъ суда и разбора политическихъ?

Разгонъ второй Думы, беззаконное измѣненіе избирательнаго закона, чтобы создать, наконецъ, законопослушную, помѣщичью Думу; столыпинскіе законы о землѣ и заботы о «землеразстройствѣ» крестьянъ; твердо и упорно проводимая этимъ временщикомъ политика — «сначала успокоеніе, а затѣмъ реформы»; дѣятельная поддержка черной сотни правительству и взамѣнъ того многочисленныя милости и довѣріе ей съ высоты царскаго престола; тюрьмы, ссылки и казни для непокорныхъ, казни безъ конца, безъ счету — вотъ наиболѣе яркіе факты этого десятилѣтія, забыть которые нельзя, какъ бы ни хотѣлъ этого. Тысячи казненныхъ по приговорамъ военно-

полевы судовъ падаютъ цѣликомъ на голову Николая II, который отстаивалъ и введеніе этихъ судовъ и требовалъ, чтобы выносимые ими смертные приговоры выполнялись обязательно и не возбуждали бы ходатайства о смягченіи участи подсудимыхъ.

Да, все это свершалось не только именемъ царя, но и при дѣятельномъ его участіи. Дѣла творились и не одинъ разъ подкрѣплялись словами самаго Николая, когда онъ находилъ это нужнымъ и своевременнымъ. Но нерѣдко надо было говорить то, что не соотвѣтствовало дѣйствительности. Нерѣдко «словами» надо было прикрыть «дѣла», чтобы выиграть время, оглядѣться, понять, въ какую точку бить дальше. И Николай былъ мастеръ на такія слова.

Въ первыхъ числахъ декабря 1905 года, когда побѣда правительства еще не окончательно выяснилась, Николай даже къ депутаціямъ русскихъ людей, монархической партіи и другимъ примыкающимъ къ «союзникамъ», обращается съ такими словами: «...призываю васъ передать всѣмъ любящимъ дорогую родину, что манифестъ 17 октября есть *полное и убѣжденное выраженіе моей непреклонной и непреложной воли и актъ, не подлежащій измѣненію»*. Таковы слова, а черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ царскіе слуги расправились съ Москвой и окраинами,— Государственный Совѣтъ получилъ равноправіе съ Думой, основные законы были приспособлены для укрѣпленія, такъ сказать «заброниpованія», самодержавія, гражданскія же свободы отданы на откупъ жандармамъ и полиціи. И въ томъ же самомъ декабрѣ, 23 числа, царь, пожалованный Дубровинымъ въ члены союза русскаго народа, торжественно заявляетъ:

«Возложенное на меня въ кремлѣ Московскомъ бремя власти я буду нести самъ и увѣренъ, что русскій народъ поможетъ мнѣ. *Во власти я отдамъ отчетъ передъ Богомъ*».

Конституціонный монархъ октябрьскихъ дней заговорилъ языкомъ незабвеннаго родителя. «Объединяйтесь, русскіе люди, я разсчитываю на васъ», отвѣтилъ Николай тогда же на рѣчь подставленнаго рабочаго Кузьмина Это уже былъ прямой призывъ, громкій царскій кличъ къ «союзникамъ» (примыкающимъ къ черносотенному союзу русскаго народа) И союзники поддержали царя-батюшку, конечно, за приличную мзду, потому что народъ они на этотъ счетъ ловкій и смѣтливый, охулки на руку не положатъ. Царское слово для нихъ дорого, а царская милость и того дороже и милѣе.

Въ апрѣлѣ 1906 г. состоялось открытіе первой Государственной Думы, при чемъ Николай произнесъ такъ называемую тронную рѣчь. Въ ней онъ между прочимъ говорилъ: «Я буду охранять *непоколебимыми установленія, мною дарованныя*, съ твердой увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе отечеству для выясненія нуждъ столь близкаго моему сердцу крестьянства просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія»... А черезъ 72 дня Дума была распущена за требованіе земли и воли для крестьянства, будто

бы столь близкаго сердцу монарха, и свободы для всего русскаго народа.

И какъ было царю не распустить такую Думу, когда незадолго передъ тѣмъ депутатамъ владимирскаго *дворянства* онъ заявилъ, что «при земельномъ устройствѣ крестьянъ право вашей собственности останется неприкосновеннымъ. *По моимъ указаніямъ* — прибавилъ онъ, — вырабатываются теперь мѣры для облегченія наиболѣе нуждающихся въ землѣ трудящихся на ней крестьянъ, *при непремѣнномъ условіи сохраненія неотъемлемой частной земельной собственности*». И царь сдержалъ это слово — не только распустилъ первыя двѣ «крамольныя», по мнѣнію правительства, Думы, но самовольно перемѣнилъ и самый избирательный законъ. Дѣлая же это явное беззаконіе, не только уже не прикрывался фальшивыми словами, а, напротивъ, въ манифестѣ 3 іюня всенародно заявилъ: «Только власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической власти русскаго царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ. *Отъ Господа Бога вручена намъ власть царская надъ народомъ нашимъ*. Передъ престоломъ Его мы дадимъ отвѣтъ за судьбы державы нашей».

Не думалъ, не гадалъ Николай Александровичъ въ то время, что меньше чѣмъ черезъ 10 лѣтъ ему придется сначала держать «отвѣтъ» передъ народомъ русскимъ, а ужъ съ Господомъ Богомъ онъ послѣ будетъ сводить счеты, и до нихъ народу русскому нѣтъ дѣла.

Второе десятилѣтіе царствованія Николая подходило къ концу. И все это второе десятилѣтіе шла упорная борьба рвавшагося на свободу русскаго народа съ порабощающимъ его самодержавіемъ. На одной сторонѣ стоялъ проснувшійся къ новой жизни, но еще не сознавшій всю свою силу народъ — рабочіе, крестьяне, интеллигенція, русское общество; на другой, царь и его ближайшіе сотрудники, вокругъ которыхъ жалось дворянство, толпились черныя сотни всевозможныхъ «союзниковъ», рыскали всюду, искореняя «крамолу», жандармы и охранники, а полицейскіе всевозможныхъ чиновъ шашками и нагайками вталкивали русскаго человѣка на отведенную ему узенькую тропинку обывательскаго житія. Высшіе и низшіе церковные пастыри освящали своимъ благословеніемъ этотъ «порядокъ», а войско, не сознавшее еще своей кровной связи съ трудовымъ народомъ и его сторонниками, защищало монархическій строй стальной щетиной своихъ штыковъ. Казалось, дѣло народа снова проиграно. Казалось, защитникамъ самодержавія удалось захлестнуть мертвой петлей всю страну. Обезсиленная отъ безпрерывнаго кровопусканья, лишившаяся сотенъ тысячъ своихъ наиболѣе дѣятельныхъ, убѣжденныхъ борцовъ, уставшая отъ погромовъ, казней, арестовъ, страна какъ будто сдалась на волю торжествующихъ побѣду насильниковъ. Крестьянство пошло на приманку землеустроительныхъ законовъ, разрушало общину и укрѣпляло за собой землю. Рабочіе все больше уходили въ созданіе профессіональныхъ союзовъ; и казалось,

жизнь теплилась лишь въ одномъ кооперативномъ строительствѣ.

Но это внѣшнее показное «успокоеніе» страны было обманчиво. Въ толщѣ народной жизни назрѣвали новыя силы, росло самосознаніе народа, зарождалась способность политическаго мышленія, являлась потребность отдать себѣ отчетъ въ общемъ положеніи государства. Первая половина 1914 года—года войны—началась для власти тревожно. Рабочія волненія разрастались и грозили принять еще болѣе широкіе размѣры. И несомнѣнно, такъ бы и случилось, если бы не вспыхнувшій внезапно военный пожаръ. Стачекъ какъ не бывало. Россія представила небывалое зрѣлище «единенія царя съ народомъ», о чемъ такъ часто говорилъ Николай въ своихъ рѣчахъ. Отдѣльные голоса, не сливавшіеся съ общимъ патріотическимъ хоромъ, безслѣдно тонули въ шумѣ бряцающихъ оружіемъ различныхъ общественныхъ классовъ. Николаю II выпало на долю небывалое и столь незаслуженное имъ счастье вознестись на недосягаемую высоту. Вознестись на мигъ лишь за тѣмъ, чтобы тѣмъ сильнѣе низвергнутсься въ пропасть, изъ которой ему уже никогда не выбраться. Война объединила народъ вокругъ власти, но она же скоро и раскрыла ему глаз ана эту власть. Она показала, что даже и въ этомъ дѣлѣ—дѣлѣ обороны страны отъ внѣшняго врага—эта власть не на мѣстѣ. Народъ увидѣлъ, что правительство, которымъ высшая отвѣтственнность передъ родиной вручена Сухомлинову и его приспѣшникамъ, можетъ привести страну только къ позору, разоренію и гибели. И когда это сознаніе охватывало страну все глубже, все шире разливалось по ней—началась сперва глухая, а затѣмъ и открытая борьба съ правительствомъ. Застрѣльщиками въ этой борьбѣ выступили общественныя организаціи, вызванныя къ жизни нуждами военнаго времени,—главнымъ образомъ, земскій и городской союзы, а затѣмъ Дума. Никогда, быть-можетъ, развѣ только за исключеніемъ временъ первой Думы, рѣчи депутатовъ не читались съ такою жадностью, какъ въ концѣ прошлаго года. Никогда онѣ не находили въ душѣ каждаго столько отклика и сочувствія. Политическое воспитаніе народа дѣлало огромные и быстрые успѣхи. И лучшимъ, незамѣнимымъ воспитателемъ явился ни кто иной, какъ развратный, безграмотный мужикъ Григорій Распутинъ, передъ которымъ начинавшій трепетать при мысли о грядущей революціи «самодержецъ» всероссійскій падалъ на колѣни и молилъ: «Григорій, Григорій, ты Христосъ, ты нашъ спаситель!». Онъ и Александра, жена Николая II, вырыли ту яму, въ которую покатился весь домъ Романовыхъ. Такъ вотъ кто правитъ Россіей! Вотъ какова эта будто бы отъ Бога данная власть! Вотъ какую жабу выкормилъ на своей груди русскій народъ, безропотно несъ ради этой нечисти всю тягость разоренія, отдавалъ не только достояніе свое, но и самую жизнь! Такими словами можно было бы высказать охватившее всѣхъ чувство негодованія и презрѣнія.

Раскрылись глаза у русскаго народа на ту страшную про-

пасть, въ которую толкало страну изжившее себя самодержавіе. И когда произошло это прозрѣніе, народъ сдѣлалъ то, что только и нужно было сдѣлать — взялъ власть въ свои руки и покончилъ съ самодержавіемъ. Не о Николаѣ II идетъ теперь рѣчь. Судьба съ молодыхъ лѣтъ отмѣтила его роковой своей печатью и не переставала класть на его чело одну за другой эти огненныя печати — клятвопреступника, обманщика, царя-душегубца, наконецъ, царя-измѣнника, готоваго ради спасенія своего зашатавшагося трона поднять гражданскую междоусобную войну и открыть врагу доступъ въ Россію. Ни кто вѣдь иной, какъ онъ именно, въ послѣднія минуты издыхающаго самодержавія, отдалъ распоряженіе о посылкѣ войскъ *съ фронта* для подавленія народной революціи въ Петроградѣ.

Николай всѣмъ своимъ царствованіемъ показалъ, что часъ самодержавія пробилъ, что оно держалось лишь на темнотѣ и безсиліи народа. Вмѣсто душной тюрьмы и не дающей простора казармы, въ которую всѣми силами загоняли Романовы русскій народъ, передъ послѣднимъ открылся широкій путь самостоятельной свободной жизни, путь строительства ея по своей волѣ, а не по чьей-либо указкѣ. И съ этого пути народъ не дастъ себя согнать никому. Долгіе годы блуждалъ онъ по разоренной и порабощенной землѣ Русской, пока вышелъ, наконецъ, на вѣрную дорогу. Разступитесь же дальше вы, ставившіе ему заставы и рогатки на этомъ пути, пытавшіеся не пустить его на торную прямую дорогу къ своему счастью! Добровольно смиритесь передъ неизбѣжнымъ, если не хотите погибнуть вмѣстѣ съ проиграннымъ вами навсегда дѣломъ. Триста лѣтъ держалъ Россію въ своихъ цѣпкихъ лапахъ двуглавый хищный орелъ самодержавія. Триста лѣтъ терзалъ ея тѣло своимъ желѣзнымъ клювомъ, питался кровью растерзанныхъ имъ жертвъ. Но прошли его времена, и другое знаменіе, другой символъ выберетъ себѣ будущая Великая россійская республика. Не въ образѣ кровожаднаго уродливаго хищника предстанетъ она передъ всѣмъ міромъ, а въ образѣ двухъ родныхъ сестеръ, послѣ долгихъ вѣковъ насильственной разлуки соединившихся, наконецъ, вмѣстѣ — Земли и Воли. Землю обрабатывалъ крестьянинъ всегда своими руками, да самая земля не была въ его рукахъ, потому что не было у него воли. Теперь на мѣсто призрачно-самодержавной воли царя должна встать истинно-самодержавная воля народа. А съ нею перейдетъ въ его руки и земля. «Воля безъ земли, что вѣра безъ дѣла — мертва» — такъ говоритъ народъ. И это служитъ лучшей порукой, что онъ не вернется никогда къ монархіи, въ какія бы конституціонныя одежды она себя ни рядила.

Прочь же съ дороги, явные и тайные приспѣшники стараго строя! Русскій народъ идетъ навстрѣчу своей истинной избранницѣ — народной республикѣ.

Сергѣй Барыковъ.

